

Моск. новости - 1995. - №5, 22-29 янв. - с. 20.

Назад в передовые

Ну, слава Богу.

Я и так никогда не терял оптимизма, а последние события меня просто окрылили.

Я же говорил: или я буду жить хорошо, или мои произведения станут бессмертными.

И жизнь опять повернулась в сторону произведений.

А они мне кричали: все, у вас кризис, вы в метро три года не были! О чем вы писать теперь будете? Все теперь об этом. Теперь вообще права человека, теперь свобода личности выше народа. А вы застряли, три года в метро не были.

Критика сверкала: вечно пьяный, жрущий, толстомордый, все время с бокалом.

А я всегда с бокалом, потому что понимал — ненадолго.

Все по словам. А я по лицам. Я слов не знаю, я лица понимаю.

Подошел ко мне авторемонтник и говорит:

— Я вам радиатор заменил.

А я на лицо его глянул.

— Нет, — говорю, — не заменил.

— То есть, — говорит, — запаял.

— Нет, — говорю, — не запаял.

— Сейчас посмотрю. — И пошел смотреть.

Когда все стали кричать «свобода!», и я вместе со всеми пошел смотреть по лицам.

Нормально все.

Наши люди.

Они на свободу не потянут.

Они нарушать любят.

Ты ему запрети все, чтоб он нарушал.

Это он понимает.

— Это кто сделал?

— Где?

— Вот.

— Что сделал?

— Что сделал, я вижу. А кто это сделал?

— А что, здесь запрещено?

— Запрещено.

— Вот не я.

— А кто?

— Вот он.

— Ты это сделал?

— Не я.

— А кто?

— Он.

— Он говорит, ты.

— Нет, он.

— Пошли оба вон отсюда.

Наша свобода — это то, что мы делаем, когда никто не видит.

Стены лифтов, туалеты вокзалов, колеса чужих машин.

Это и есть наша свобода. Нам руки впереди мешают.

Руки сзади — другое дело.

И команды не спереди, а сзади, то есть не зовут, а посылают.

Это совсем другое дело.

Можно глаза закрыть и подчиниться — левое плечо вперед, марш, стоп, отдыхать.

Так что народ сейчас правильно требует порядка.

Это у нас в крови — обязательность, пунктуальность и эта... честность и чистота.

Мы жили среди порядка все 70 лет и не можем отвыкнуть.

В общем, наша свобода — бардак.

Наша мечта — порядок в бардаке.

Разница небольшая, но некоторые ее чувствуют.

Они нам и сообщают: вот сейчас демократия, а вот сейчас диктатура. То, что при демократии печатается, при диктатуре говорится.

При диктатуре все боятся вопроса, при демократии — ответа.

При диктатуре больше балета и анекдотов, при демократии — поездок и ограблений.

Крупного животного страха — одинаково.

При диктатуре могут прибить сверху, при демократии — снизу.

При полном порядке — со всех сторон.

Сказать, что милиция при диктатуре защищает, будет некоторым преувеличением.

Она нас охраняет. Особенно в местах заключения.

Это было и есть.

А на улице, в воздушной и водной среде это дело самих обороняющихся, поэтому количество погибших в войнах равно количеству погибших в мирное время. У нас.

В общем, наша свобода хотя и отличается от диктатуры, но не так резко, чтоб в этом мог разобраться необразованный человек, допустим, писатель или военный.

Многих волнует судьба сатирика, который процветает в оранжерейных условиях диктатуры пролетариата и гибнет в невыносимых условиях расцвета свободы.

Но это все якобы. Просто в тепличных условиях подполья он ярче виден и четче слышен.

И у него самого ясные ориентиры.

Он сидит на цепи и лает на проходящий поезд, то есть предмет, лай, цепь и коэффициент полезного действия ясны каждому.

В условиях свободы сатирик без цепи, хотя в ошейнике. Где он в данный момент — неизвестно.

Его лай слышен то в войсках, то на базаре, то под забором самого Кремля, а чаще он сосредоточенно ищет блох с огромной тоской по ужину.

И дурак понимает, что в сидении на цепи больше духовности и проникновения в свой внутренний мир.

Ибо бег за цепью можно проделать только в воображении, что всегда интересно читателям.

Конечно, писателю не мешало бы отсидеть в тюрьме для высокого качества литературы, покидающей организм.

Но, честно говоря, не хочется.

И так идешь на многое — путаница с семьями, свидания с детьми... Так что тюрьма — это будет чересчур.

Но что сегодня радует — предчувствие нового подполья.

Кончились волнения, беготня, снова на кухне, снова намеки, снова главное управление культуры и повышенные обязательства, снова тебе кричат: вы своими произведениями унижаете советского человека, а ты кричишь: а вы своим велосипедом его просто калечите.

Красота!

Тот, кто нас снова загоняет в подполье, не подозревает, с какими профессионалами имеет дело.

Сказанное оттуда по всем законам акустики в 10 раз сильнее и громче. Лозунг руководства: «Работать завтра лучше, чем сегодня» — в подполье толкуют однозначно: сегодня работать смысла не имеет.

Михаил ЖВАНЕЦКИЙ